

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

**СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ**

Сборник материалов V Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 20—22 октября 2016 года)

Барановичи
БарГУ
2016

Включены материалы докладов V Международной научно-практической конференции «Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность» по актуальным проблемам следующих научных дисциплин и направлений: психология, педагогика, филология, лингвистика и методика преподавания иностранных языков, человек в обществе, организация здоровьесбережения, обучение, воспитание и развитие дошкольников.

Адресовано преподавателям и студентам учреждений высшего образования, магистрантам, аспирантам.

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, Н. Ф. Захарченя (отв. секретари),
Е. А. Клещёва, Е. Ф. Нестер, К. С. Тристеня, А. В. Демидович, Е. И. Белая, О. Н. Фенчук,
И. В. Пинюта, А. А. Савко

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы учреждения
образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» О. Е. Панькова

В данном контексте требуется внести уточнение. В Речи Посполитой имело место определённая конфессиональная терпимость. Сословное братство шляхты имело едва ли не большее значения, чем различия в вопросах веры [2, с. 82].

Важной чертой сарматской идеологии являлось стремление связать исторический путь государства с идеей провиденциализма, то есть божественного предопределения великой миссии Речи Посполитой. Эта миссия связывалась с её геополитическим расположением в Европе и границами католического мира, заключалась в полной уверенности того, что сарматский народ стоит бастионом на пути диких орд востока.

Воинская служба стала восприниматься как сословная привилегия рыцарства. Бытовало мнение, что до той поры, пока республика сможет выставлять 20 тысяч сабель посполитого рушения, её безопасности ничего не угрожает. Среди шляхты мнение негативного и пренебрежительного отношения к соседним государствами и особенно к России, складывалось во многом благодаря характеру самодержавного правления в России. В своё время Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» отмечал, что русский народ находит большее удовольствие в рабстве, чем в свободе [7, с. 113]. Для шляхтича-сармата такое положение вещей являлось недопустимым.

Боязнь утратить свою свободу, даже во времена катастрофы для Речи Посполитой, не позволяла шляхте идти на компромиссы с королевской властью. «Шляхта была убеждена в том, что проигранная война — несчастье, но выигранная — еще хуже, потому что может означать усиление власти короля» [8].

Заключение. Идеология сарматизма, присущая менталитету шляхетского сословия в Речи Посполитой, привела к застою политической системы, парализованной принципом сарматской республики — «либерум вето» и сыграла роковую роль в падении государства. Однако, положительное влияние сарматской идеологии не менее значимо. Принцип суверенного права «шляхетского народа» трансформировался в идею суверенитета для всего польского общества в целом. Также благотворное влияние сарматской идеологии повлияло на формирование польской национальной культуры, подчеркнувшей её самобытные черты и особенности.

Список цитируемых источников

1. Васильев А. Г. Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // Диалог со временем № 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 184—216.
2. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. 178 с.
3. Каминський Сулима А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505—1795. Громадяни, їх держава, суспільство, культура / пер. з пол. А. Стріхи. К.: Наш час, 2011. 266 с.
4. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. 400 с.
5. Там же. С. 24.
6. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / пер. С. А. Аннинского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 301 с.
7. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. С. 46.
8. Грабенский, В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. 800 с.
9. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. С. 232.
10. Васильев А. Г. Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности. С. 192.
11. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. С. 82.
12. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
13. Tazbir J. Wielka awantura Pierwszej Rzeczypospolite [Electronic resource] // Tygodnik Powszechny. 2007. URL: <http://inosmi.ru/world/20071127/238063.html> (дата обращения: 19.02.2016).

УДК 1.111

В. П. Шалаев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ: ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ИЛИ ГЛОБАЛЬНАЯ МУТАЦИЯ

Введение. В представленной статье анализируются глобальные метаморфозы современности. Процесс глобализации рассматривается нами как процесс глобальной западофикации мира. В центре внимания статьи — феномен глобальной западофикации как нового фактора развития базовых социальных институтов современного общества. В качестве главного продукта западной формы глобализации мы рассматриваем глобальное общество потребления, которое в свою очередь выступает в качестве генерального фактора глобальной мутации традиционных социальных институтов общества и, как следствие, надвигающейся глобальной деформации современного человека и общества. Глобальная деформация человека и общества неизбежно ведёт к процессам их массовой мутации, т. е. хаотическим новообразованиям, с неконтролируемыми последствиями.

Мутация наступает — так бы мы могли сказать, взглядевшись в процессы метаморфоз, которые сегодня испытывают основные социальные институты общества [1]. В глубоком пике находится сегодня традиционная мораль, семья, религия. И причина ясна: существенным образом поменялось отношение цивилизации и культуры. Цивилизация наступает, а культура, в её традиционном понимании как система духовных ценностей, всё больше уступает во влиянии на сознание и поведение людей. При этом цивилизационное влияние, по нашему мнению, может быть представлено нарастающим фактором экономической глобализации и как мировоззрения, и как организатора общественной жизни современных народов. Это влияние экономической глобализации как сути современных глобализационных процессов мы бы представили в формуле: «Капитал — массовое общественное производство — массовое общественное потребление — гешефт — Капитал» [2].

Основная часть. Не вдаваясь чрезмерно в экономический и в философский смысл этой формулы, подчеркнём её социальный смысл, который в том, что экономическая по сути форма глобализации на самом деле есть процесс сохранения и увеличения социальных дистанций и статусов между странами и народами современного мира. Сущность этой, порождённой на западе глобальной формы организации стран и народов заключается в обобществлении со стороны запада всей совокупности природных и человеческих ресурсов мира. Несомненно, спусковым механизмом этого движения стали стремления мирового капитализма к всё большей мировой прибыли, соединившиеся с неизмеримо выросшим организационным опытом и технологическими ресурсами управления сознанием и поведением народов, накопленными западным капитализмом в его истории. Новые технологии позволили обрести такие инструменты управления миром, которые оказались достаточны для движения и воплощения идеи «мира как капиталистического мира» [3].

Рождённый западным рационализмом и предприимчивостью, западный капитализм в наши дни пытается получить своё максимальное воплощение в рамках данной ему природной и человеческой среды, решающим образом влияя на изменения человека и общества в их западофицированной форме (вовлечения и подчинения незападных стран и народов западной цивилизации и культуры). С этим связана и гигантская по масштабу и глубине культурная и цивилизационная мутация всех без исключения стран и народов мира (и западных в том числе). Мутирует в выбранном глобализационном направлении буквально всё: система ценностей и мировоззрений, базовые социальные институты общества, историческая память, смыслы жизни, религиозные, этнические, хозяйственные, политические формы устройства общества и человека [4]. Мутируют и такие базовые институты общества, как семья и детство, межпоколенные отношения в обществе, приобретающие характер префигуративных, т. е. деформированных статусов детей и взрослых в обществе [5].

С этим связан первый тезис нашего анализа: активно идущий процесс глобализации мира как процесс создания системы массового производства и массового потребления по своей сути реализуется на основе западной культурно-цивилизационной платформы под её непосредственным влиянием, на основе её интересов и целей. Западофицированная форма глобализации — доминирующий в современном мире аттрактор (точка организации и управления) общественного развития различных народов и отдельного человека. При этом содержательная сторона глобализации рассматривается нами как специально сконструированный инструментарий достижения целей крупного капитала и бизнеса, изначально западного происхождения. Процессы глобализации одним из своих ярких проявлений имеют всеобщую унификацию и стандартизацию незападного мира по западным образцам и западным стандартам организации общественной жизни народов. Это уподобление и стандартизация — важный фактор получения доступа к природным, человеческим и техническим ресурсам незападных стран и народов и управления ими на основе западных интересов и ценностей по западным же правилам «игры» [6].

Но став «своими» в глобализационном проекте (настолько и в таком отношении, какое им позволили сделать), незападные народы и культуры приобретают отнюдь не равные западным странам и народам статусы существования, обретая функции придатка развития западного капитала и бизнеса в мировой системе производства и потребления. Разумеется, с этим связан и более высокий уровень объективации незападных стран и народов со стороны Запада. Это уровень наднациональный, когда можно говорить не только о незападных, но и о западных странах и народах как феноменах, включённых в процесс объективированного массового производства и массового потребления в интересах наднационального (интернационального) капитала и бизнеса.

Именно поэтому процессы западофикации противоречивы не только для незападной, но и для западной части глобализирующегося мира. Происходящие под влиянием западофицированной формы глобализации общественные трансформации наиболее сильно влияют на социальное бытие народов. Их проявление можно зафиксировать, в частности, в следующих противоречивых формах: с одной стороны — рост уязвимости, кризисности, конфликтности бытия человека, а с другой — рост его индивидуализма, потребительства. Аналогичную противоречивость заключают в себе все сферы общественной жизни народов.

Глобальной метаморфозы в своей сущности чрезвычайно естественна и диалектична по своему характеру. Дальнейший рост производства и потребления в экономически развитых странах Запада был поставлен в середине—конце XX столетия под угрозу самим фактом возникшего дефицита человеческого (человек как рабочая сила, в том числе интеллектуальная, и человек как потребитель производимого). Этот дефицит остро проявил себя и в области природного ресурса, необходимого для роста этого массового производства и массового потребления, в их дополнительных формах. В то же время Запад испытал и колоссальный дефицит рынков сбыта этой массовой продукции, производимой массовой рабочей силой. Этот сформировавшийся после Второй мировой войны рост массового производства и потребления оказался под угрозой не только из-за дефицита рынков сбыта, представленных

подготовленным массовым потребителем в максимально возможном масштабе (в идеале — всего мира), в максимально быстрое время и при наименьших затратах.

Этой формой и стали ценности потребительского общества: больше и качественнее потреблять, получая удовольствие, — таков секрет счастья этого общества. Так возникла тема консьюмеризма, тема качественного потребления как цели и смысла человеческой жизни [7]. Рядом с этим выросли не только сферы социально помогающего и потребительски развлекательного сервиса, но и обслуживающая их индустрия искусственного образа, медиа, воплощённая в деятельности рекламы и пиара, лежащих в основе масскультуры. Индустрия масскультуры стала важным фактором поддержки общества потребления, новым словом в формировании и управлении сознанием. Это новое слово в укоренении мягких технологий (технологий работы с сознанием) продвижения консьюмеризма во всём мире. В этом смысле совсем не удивительно, что на мировую арену вышли их «величества» глобальные средства массовой информации, реклама и Интернет, массовая, развлекательная культура, созданные всё теми же западными бизнесом и правительствами. Весьма кстати, не правда ли? И совсем не удивительно. Случайностей в большом бизнесе и большой политике не бывает.

Всё закономерно и рационально осмыслено и рационально развивалось. Так решалась задача перековки сознания потребителей, осуществлялось конструирование их ценностей с духовно-нравственных на потребительские приоритеты. Именно поэтому мы и обязаны констатировать, что с сущностной точки зрения экономическая глобализация (как, прежде всего, высокая индустрия массового производства и потребления в мире) есть механизм растущего общества потребления. А сохранение и распространение ценностей общества потребления есть условие его сохранения в качестве условия экономической глобализации как мирового экономического феномена, основанного на западных стандартах организации общественной жизни народов. Всё остальное в форме масскультуры, рекламы, пиара стало лишь инструментарием этого симбиоза, за которым явственно проглядывают превращённые формы капитала как тайного кардинала этих общественных процессов [8].

Такова диалектика этого действа — развитие через разрушение и одновременное врачевание, реабилитацию. Как мы отметили, сущность этих процессов глубоко скрыта от наблюдателя и воплощена совсем в другой системе ценностей. Эта система ценностей заключается в превращённой форме капитала в западном обществе, тайна которого — в получении всё большей прибыли правящими сословиями, невозможной без создания условий стабильного роста потребления. Иными словами, вопрос развития народов в форме западофикации, глобального производства и глобального потребления — это вопрос прежде всего экономический, вопрос большого бизнеса. Потребление же рассматривается здесь как условие развития бизнеса. В свою очередь, потребление возможно, только если оно становится идеологией, сущностью мировоззрения широких масс населения. Оно таковым и становится, опираясь на философию утилитарного потребления, прагматизма и позитивизма — ядра всей современной западной культуры.

Общество всеобщего потребления рождает глобализацию, глобализация как тиражирование западного образа жизни (западофикация) во всемирном масштабе есть условие сохранения и развития потребительского общества за счёт потребления всё новых и во всё большем масштабе разнообразных природных и социальных ресурсов мира. В основе общества потребления на фоне общечеловеческой культурной динамики мы фиксируем доминирование чувственной формы культуры. Маятник удовлетворения человеческих сущностных потребностей здесь есть внутренний скрытый механизм смены культурных форм общества, выступающих в качестве основы создаваемой им цивилизации. Сегодня она такова. Люди в складывающейся ситуации масскультурного, мировоззренчески управляемого (в том числе манипулятивно) общества потребления не сознают себя уже больше носителями традиционных социальных институтов — этноса, нации, общества, языка, какой-либо конкретной культурной формы [9]. Они во всё большей степени живут реальностью нарисованного (созданного) новой эрзац-культурой, новыми информационными и культурными средствами иллюзорного мира, за которым просматривается диктующее новую объективность влияние глобальной экономической цивилизации в её западофицированной форме [10].

В своём сознании граждане этого нового создаваемого западофицируемой глобализацией мира — люди нового мира, отрицающего традиционные социальные институты и ценности. Это граждане западофицированного глобального мира, живущие в совершенно другом, нежели их предшественники, их предки, социальных и культурных условиях. Это граждане соединённых штатов массового производства и массового потребления, граждане мирового капиталистического мира, наделённые созданным этим миром новым либерально-демократическим мировоззрением, отрицающем всё, что было до него, но с удовольствием его потребляющего в стремлении к нарисованному масскультурному счастью маленького человека. Это граждане отчуждённого мира капитализма (К. Маркс), граждане эпохи восстания масс (Х. О.-и-Гассет), граждане новой мегамшины (Л. Мэмфорд), граждане объективированного мира всеобщего, но утончённого в своих культурных технологиях мирового капитализма, о чём западные народы предупреждали их же собственные интеллектуалы экзистенциализма и постмодернизма, а также практики нового левого движения на Западе, перемолотого обществом потребления (читай: капитализма).

Но все они смогли лишь поставить этот вопрос, но не смогли помочь обществу его разрешить, так как их идеи были деконструированы, объективированы и встроены в новый, теперь уже глобальный капиталистический мир в виде иллюзорных личных прав свобод, удовлетворения иллюзорных, сконструированных этим миром потребностей. Интеллектуалы и новые левые на Западе, поставив вопрос об объективации, отчуждении человека под влиянием традиционных общественных институтов, вместо того чтобы призвать к их реформированию, совершенствованию, привели к их нигилизму и отрицанию. На расчищенное место ценностей и институтов с торжественностью и были водружены все эти новые и такие тёплые для простого человеческого сердца, заждавшегося справедливости

и счастья, но такие искусственные и обманчивые культурные формы — наднациональные, надрелигиозные, надсемейные и другие ценности и институты либеральной свободы, демократии и личного потребления.

Именно это встраивание общества потребления в новый идеологический тренд, предложенный интеллектуалами Запада и, несомненно, под прямым или косвенным влиянием мирового капитала как заказчика, по итогам объективированной эпохи прошлого и позволило, в конечном счёте, так глубоко и так широко захватить общество, в особенности его молодые поколения во всём мире. И это тот пункт, в котором интересы человека как борца за свободу сошлись с интересами капитализма как борца за прибыль (гешефт). Либеральное понимание свободы стало царём в головах миллионов [11]. Но, как оказалось, такой свободы (несвободы), от которой они уже во второй половине XX века начинают бежать, компенсируя своё одиночество и нищету социальной жизни. Об этом как нельзя лучше в своих книгах «Иметь или быть», «Бегство от свободы» писал ещё один западный интеллектуал XX века Э. Фромм, определивший экономический sostоятельный капитализм с нарождающимся обществом потребления отчуждённым обществом, а другой его западный современник Г. Маркузе — «репрессивным, одномерным обществом».

Ясно только одно. Великий освободительный проект западной глобализации оказался проектом в своей сущности исключительно капиталистическим и экономическим, который скорее ещё больше закрепил, объективировал человека, но более тонкими культурными формами и технологиями, чем сделал его свободным. Ясно и то, что участники этого проекта (как это ни прискорбно, но зато честно) превратились во всё более интенсивные «многозарядные батарейки» массового производства и массового потребления, ставшие важнейшим и необходимым условием ещё более интенсивного, всеобщего, гиперболического бизнеса и гиперболической прибыли [12].

Заключение. Немного грустно, не правда ли? Но может ли быть по-другому в человеческом обществе, в котором, по определению классиков, все неравны уже от природы. Может ли общество это неравенство нивелировать и не приводить к новому социальному неравенству или хотя бы его минимизировать? Во всяком случае, человечество всегда к этому устремлено. Устремлено оно к этому и сегодня, под обаянием глобализации, демократии и либерализма. Что эти процессы сулят России? Ясно одно: эти процессы не так однозначны, как они с самого начала представлялись после распада СССР. И что они не такие уж простые, ясные и справедливые, скорее они — та болезнь, которой необходимо переболеть для приобретения здорового иммунитета на путях истории. Становление общества потребления в России должно быть в центре внимания государства и здоровых культурных интеллектуальных сил страны. От дурного многообразия и некритических свобод — всего один шаг к примитивизму и статусу «батарейки». В данном смысле это ситуация, когда мутации надо сказать скорее «нет», чем «да», ибо, по нашему мнению, это процесс, ведущий от несвободы одного порядка к ещё большей несвободе человека и общества.

Показательны в этом смысле разрушительные потребительские процессы в сознании и поведении современной молодёжи, а также рост зависимости незападных стран и народов от западных регуляций. Осторожно, мутация, говорим мы! Осторожно, разрешение человеческой социальности! Есть ли выход? Выход один. Общество и человек, чтобы быть свободными и целостными, должны, прежде всего, принадлежать самим себе и сами решать и менять свои устои, свои цели и смыслы на путях своей истории. Возвращение к традиционной общечеловеческой системе моральных ценностей, возвращение к здоровому патриотизму и исторической памяти своего народа — таковы, на наш взгляд, рецепты преодоления перехода общества массового потребления к обществу массового потребления. Но, конечно же, это не означает отказа от сотрудничества с Западом или Востоком. Это означает всего лишь обретение своей собственной культурной и цивилизационной почвы, в ситуации борений и конкуренций стран и народов за лучшее место под солнцем в мутирующем под влиянием запада глобальном мире [13].

Список цитируемых источников:

1. Шалаев В. П. Мутация наступает: общество в перекрестке глобального потребления // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире : сб. ст. / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 29—36.
2. Шалаев В. П. Экономическая глобализация и общество потребления: основные параметры, цели и социальные последствия // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире : сб. ст. / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 36—46.
3. Шалаев В. П.: 1) «Война» за будущее: глобализационное измерение национальной безопасности России в современном мире // Национальная безопасность России в глобализованном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития : сб. тр. междунар. науч. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. Ч. 1. С. 81—99 ; 2) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского. М. : Когито-Центр, 2014. С. 132—144.
4. Шалаев В. П. Мутация наступает: общество в перекрестке глобального потребления.
5. Шалаева С. Л. Либерализация межпоколенных отношений как фактор трансформации потребительского общества // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире : сб. ст. / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 82—89.
6. Шалаев В. П.: 1) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) ; 2) Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций : монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с. ; 3) Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009 ; 4) Человек и общество в глобализованном мире: метаморфозы, вызовы, перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
7. Шалаев В. П., Хренков В. В. Новое левое движение как новый аттрактор развития общества потребления (на путях самоорганизации к управляемому конфликту) // Конфликтология. 2014. № 4. С. 94—104.

8. Шалаев В. П.: 1) «Война» за будущее: глобализационное измерение национальной безопасности России в современном ; 2) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки).
9. Шалаев В. П., Хренков В. В. Новое левое движение как новый аттрактор развития общества потребления (на путях самоорганизации к управляемому конфликту).
10. Шалаев В. П. 1) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) ; 2) Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы, перспективы.
11. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) ; Шалаева, С. Л. Либерализация межпоколенных отношений как фактор трансформации потребительского общества
12. Шалаев В. П. 1) «Война» за будущее: глобализационное измерение национальной безопасности России в современном мире ; 2) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки).
13. Шалаев В. П. 1) Мутация наступает: общество в перекрестке глобального потребления ; 2) Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки).

УДК 141.1

С. Л. Шалаева

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Марийский государственный университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация*

ПСЕВДОЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

Введение. Нет сомнений, что основой социальной стабильности обществ, их национальной безопасности являются апробированные временем ценности и социальные нормы, которые являются необходимым основанием для организации совместной жизни людей. Для отражения способности норм к поддержанию социальной стабильности общества их условно в социально-гуманитарных науках разделяют на конструктивные и деструктивные. К конструктивным можно отнести нормы, поддерживающие базовые ценности, а к деструктивным — подрывающие подрывившие их ценности и тем самым содействующие разрушению общества. Здесь важно отметить, что все те виды активности, которые обозначаются как «аномия», понимаемая как разрушение системы моральных норм и их несогласование друг с другом, характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гиперномии — сверхнормированности социалистических режимов [1], и «моральная деградация», по сути, в современном российском обществе, к сожалению, становятся статистической нормой. Мораль почти перестала осознаваться как ценность (речь идёт о бурных 90-х годах XX столетия на постсоветском пространстве). Наоборот, в массовом сознании «приобрели доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения» [2, с. 28]. Получил распространение феномен Э. Гидденса «испарение морали» [3].

Основная часть. Одной из непосредственных причин появления во всяком обществе разрушающих норм является легитимизация в нём девиантного поведения, которое в свою очередь рождается из отклонений в процессе социализации, регламентируемой определёнными нормами. Девиантное поведение (отклоняющееся от нормы), перешагнув определённые масштабы распространения, становится новой нормой, зачастую нормой деструктивной. Всплеск деструктивных норм на постсоветском пространстве (в России прежде всего), наиболее существенно повлиял на молодёжь. Он, несомненно, был вызван резким уменьшением роли таких традиционных социальных институтов, как семья, образование, религия, армия, и заполнением образовавшегося вакуума стихийными агентами социализации (улица, неконтролируемые средства массовой информации), которые в качестве альтернативы выдвигали мораль и эстетику своей субкультуры, нередко отрицая здоровый образ жизни и приветствуя опасные для здоровья нормы поведения [4]. Молодой человек, попавший в эту ситуацию, имея небольшой жизненный опыт, малую критичность ума и отсутствие персональной ответственности за чью-то жизнь (стареющих, всё более недееспособных родителей, растущих детей и т. д.), активно принимал предлагаемые альтернативы и усваивал базирующиеся на них деструктивные нормы, нередко увлекающие его к обещанным ими удовольствиям, т. е. утилитарным ценностям.

В постперестроечное время в российском обществе, отказавшемся от советской морали, возник острый вакуум ценностей. На место прежней советской формы мировоззрения, опирающейся в значительной степени на традиционную форму культуры, ринулись самые различные, не свойственные предыдущему обществу идеи и ценности. Наиболее востребованными оказались, и не без навязчивого внешнего влияния, идеи либерального характера в свойственной Западу форме культуры, в том числе и масскультуры потребления и развлечений. Особое место среди них приобрела тема свободы, воплощённая в совершенно новых, не свойственных советскому времени очертаниях. Ложные формы свободы потребления и развлечений ворвались в постсоветскую культуру, трансформировав советские ценности, правила и нормы. Такая свобода пробудила наиболее худшее начало в человеке, помноженное на разрушающиеся советские социальные институты.